

Литература

1. Гришина Н.М., Крюкова Е.А. Новый подход к проблеме классификации частей речи в кетском языке: класс слов-определителей // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Томск, 2004.
2. Плоткин В.Я. Строй английского языка. М., 1989.
3. Бондарко А.В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1987.
4. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 2003.
5. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996.
6. Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариативность/вариативность / Отв. ред. Бондарко А.В., Шубик С.А. СПб., 2003.
7. Кетские фольклорные и бытовые тексты. Томск, 2001.
8. Werner H. Das Jugische (Sym-Ketische). (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 50) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.
9. Werner H. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Band 1. Wiesbaden, 2002.

Л.В. Парнюк

СУТОЧНЫЙ И ГОДОВОЙ ЦИКЛЫ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Томский государственный педагогический университет

У человека нет специального органа для восприятия времени, но невозможно представить себе жизнь человека, протекающую вне времени. Время не зависит от человека, а человек неотделим от времени.

Этнологи, культурологи и философы много писали о различии моделей времени в разных культурах: о концепциях «циклического», «линейного», «кругообразного», «замкнутого» времени, о возможном отсутствии летоисчисления и т.п.

В сознании человека доминируют два представления о времени – время как последовательность повторяющихся однотипных событий, «жизненных кругов» (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). Эти представления могут противопоставляться как «наивное» и «естественнонаучное». Б.А. Успенский отмечает, что циклическое время соответствует космологическому сознанию, а линейное – историческому: «Космологическое сознание предполагает, что в процессе времени повторяется один и тот же онтологически заданный текст... Между тем историческое сознание в принципе предполагает линейное и необратимое ...время» [1, с. 73]. Чувство времени связано с восприятием природных циклов, а психические структуры связали себя с линейным временем.

Хотя ток времени имеет направленность и предполагает однократное и окончательное уничтожение истории, это уничтожение мыслится возвращением в вечность, так что отдаленно идея циклической присутствует и здесь [2, с. 621].

Циклизация времени далеко не случайна. Время эмпирически не наблюдаемо, сознание человека

при его фиксации и членении опирается на смену дня и ночи или любой другой циклический процесс.

Цикличность в примитивном обществе рассматривается как такое представление о времени, которое организует жизнь коллектива посредством ритуалов. Жизнь первобытного общества, как и более развитого – земледельческого, определяется природными и биологическими циклами, регулярными повторениями биокосмических ритмов, отраженными в обрядовой практике. Соответственно этому и время членится на замкнутые циклы [2, с. 620–621].

Циклический характер, регулярность кругового движения небесных светил по «небесной сфере», повторяющегося вновь и вновь и неподвластного каким-либо видимым изменениям, послужили естественным основанием для выбора солнечного или лунного цикла в качестве меры измерения бытия, тем более что и жизненный цикл человека и живой природы вообще тесно связан с фазами этого цикла (смена дня и ночи, времен года).

Солнце и Луна помогали человеку ориентироваться во времени по-разному. Если годичный период Солнца наглядно проявляется в смене сезонов, то динамика чередования лунных фаз чаще заметна и вследствие краткости цикла более практична. Хотя лунный месяц не выразить точно целым числом суток, год – целым числом месяцев или суток, история не знает народов, не умеющих определять время с помощью Солнца или Луны [3, с. 10].

Именно с движением Луны сопряжены самые древние календарные единицы, а первобытная ми-

фология мира к Луне обращается в целом значительно чаще, чем к Солнцу. И это не случайно. Луна – самое крупное небесное тело, которое может наблюдать невооруженным взглядом житель Земли. При этом ни одно из небесных светил не претерпевает столь значительных изменений своей видимой формы, как Луна [3, с. 12–13].

Времяисчисление по Луне, ввиду своей простоты, наглядности и краткости, является доминирующим для многих бесписьменных сообществ, благодаря чему лунный календарь у многих народов оформляется раньше солнечного. Календарные системы, основанные на лунных циклах, свойственны народам с присваивающим типом хозяйства – охотникам, собирателям, рыболовам; переход на солнечный календарь характерен для народов, занимающихся земледелием и скотоводством.

Потребности усложнявшегося производящего хозяйства надежнее удовлетворялись расчетами по наглядным ориентирам движения Солнца (суточная, годовая, сезонная периодичность), чем несоизмеримыми с ними наглядными периодами «непостоянной» Луны [3, с. 30].

По всей вероятности, в прошлом календари у народов Сибири, как и у других народов мира, были лунными, приуроченными к фазам Луны [4, с. 201; 5, с. 47; 6, с. 74–75].

Тем не менее, невозможно применить понятие «лунный год» или «лунный месяц» по отношению к календарным системам народов Сибири, в том числе и к хантам, т.к. промежутки времени, называемые нами «месяц» или «год» были лишь условны, не строго фиксированные, не строго установленные и неравной длины. Так, длительность «лунного года», «лунного месяца» могла быть разной; год для любого человека является довольно длительным периодом времени, для человека далекого прошлого «год мог казаться столь длинным, что он и вовсе не осознавал его как цикл» [7, с. 304]. Такой же точки зрения придерживается и С.Ю. Колесникова [8, с. 69].

Значимость небесных светил, цикличное восприятие времени определяются мифологичностью сознания, о чем говорят антропоморфность и персонифицирование течения времени у хантов. От верховного бога Торума зависит смена времен года и времени суток. Ханты Пима представляли себе это так: «Погоду делает верхний Торум. У него посох из семи колен. Один загнет ветер, второй – дождь, третий – снег. А четыре колена на лето, осень, зиму и весну». На Югане смены времени суток объясняли открытием и закрытием дверей в жилище Торума. Иногда, правда, он открывает дверь и ночью, тогда наступает северное сияние. По преданию, когда-то на земле был сплошной день, и от бессонницы у людей начинали болеть глаза. Увидев это, Торум решил

«сделать» ночь [9, с. 167]. «Вогулы говорят, что они потому чувствуют солнце, луну и звезды, что они видят их на небе и их свет освещает землю», – говорит Избранд, а Кастрен утверждает что остяки, вогулы и другие финские народы высоко чтут небесные светила [10, с. 44].

Илен пелек лунг (нижней стороны дух) «прибавляет и убавляет» луну. Кстати, по большинству сведений, луна – «это человек», и ее фазы объяснялись физическим ростом, а затем «уменьшением» человека [9, с. 169].

Луна тоже персонифицирована у югров, что можно видеть уже из ее названий «Старик», «Ночной старик», «Ночной свет-старик» и «Месяц-старик» [10, с. 47]. Например, *iki* (вах., вас.. аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.; *ikə* (сал.) 1) старик, дед; 2) (вах., вас.); *at* ~ (сал.) луна, месяц (*досл. ночной старик*) [11, с. 52].

«Солнце у них – это *imə* ‘старуха’, а месяц *ikə* ‘старик’» [10, с. 239] (данные по васюганским и ваховским хантам).

У шурышкарских ханты: *най* 1) солнце/солнечный, 2) хозяйка [12, с. 50].

Так, у иртышских остяков солнце называется *хатт-имэ*, у тремьюганцев – *kalt-imi*, у вогулов – *хātəl-ēkwä* – все это обозначает «Солнце-старуха». Это персонифицированное солнце югры, как и другие народы, считают женским существом [10, с. 44].

Таким образом, идея сакральности времени подчеркивается персонификацией небесных светил, а также связь деления времени на промежутки с кульгово-обрядным циклом.

И все же каноническими показателями циклического времени являются «специальные показатели циклически повторяющихся временных единиц – слов, обозначающих «искусственно» выделенные временные отрезки: суточные/годовые» [1, с. 75].

Для всех групп хантов на современном этапе характерно четырехчленное деление как суточного, так и годового цикла.

Так, например, у хантов представления о временных циклах начинались, по-видимому, с делением суточного времени на следующие части:

– *äləy* (вах., вас.; I ед. *iljəm*); *ałəy* (юг., ую-юг., у.-аг.; I ед. *iljəm*), *aləy* (аг., тр.-юг.; I ед. *iljəm*); *atəy* (сал.) утро, утром [11, с. 23]; шур., каз. алан утро [12, с. 13] – **утро**;

– *kotl* (вах., вас.); *kätl* (аг., у.-аг., тр.-юг.). *ketəl* (юг., у.-юг.), *kat* (сал.) день (новс.) [11, с. 175], шур., каз. хатл день [12, с. 87] – **день**;

– *ät* (I ед. *itəm*) вечер (вах.) [13, с. 128]; *ät* (вах.; I ед. *itəm*) вечер; *kotəl pirnə ätə y jöl* после дня наступает вечер; [11, с. 26]; *um* вечер [14, с. 73]; шур. *ила* вечер, шур. *илана*, каз. *илайна* вечером [12, с. 29];

– *jaj* (вах.)/ *aj* (вас.) ночь [11, с. 91]; *jöyən* (вах., вас.); *jöyən* (аг., у.-аг., тр.-юг.), *jöyün* (юг., у.-юг.) ночь, ночью; *jöyən jə jə* ночь наступила (тр.-юг.), *jöyün jöyət* ночью приехал (юг.), *jöyün qätlin* ночью и днем (у.-юг.), ночь [11, с. 81], *jöyən* ночью [13, с. 139]; *äy* – ночь; *ëxan* – ночью, ~ *ëрна* – в полночь [14, с. 34]; *at, ät* (сал.) ночь; [11, с. 26]; каз., шур. *am* ‘ночь’, *атла йис, ата йис* ‘ночь наступила’, *ат кўтуп, атл кўтуп* ‘полночь’ [15, с. 20] – **ночь**.

Сам суточный цикл не выделялся и, следовательно, не назывался. Не существует общей архилексемы, выражающей название временных отрезков дня и ночи для данного семантического поля [16, с. 47], что свойственно многим сибирским (и не только) языкам. Понятие о суточном цикле связывалось с понятием сна или ночевки («одна ночевка», «две ночевки» и т.д.).

Номинант «сутки» обычно состоит из двух компонентов «день-ночь».

– Сутки называются *ii(h)(g)en k(h)oodhlo(g)en* ‘день-ночь’ [17, с. 241–242] (данные по ваховским и васюганским ханты); *ëxанна-котлахна* ‘днем и ночью’ (вас.) [14, с. 68]; (шур.) *атл-хатл* ‘сутки’ (досл. ночь-день); [12, с. 16]; (ночь-день) ‘сутки’ *атан-хатл, атал-хатл* [12, с. 228]; *jöyün kätlin* ‘ночью и днем’ (у.-юг.) [11, с. 81]; ‘день и ночь’ (сутки) *i’yen-k’od^sloyen* (вах., вас.) [17, с. 341].

У самой южной группы хантов, подвергшейся наибольшей степени ассимиляции, зафиксировано понятие, явно заимствованное из русского языка: *sutka* (сал.) сутки [11, с. 443].

Годовой цикл также четко делится на четыре части, но в отличие от суточного цикла может иметь словесное выражение при помощи архилексемы – *al I* (вах., вас.; I ед. вах. *uləm*); *äl* (аг., у.-ас., тр.-юг., юг., у.-юг.; I ед. *uləm*): *ot* (сал.) год; [11, с. 13], к., шур. *тал* год [12, с. 77]; либо используя два компонента, например – к., шур. *тал-лун*, к. *тала лунал* круглый год (досл. зима-лето) [12, с. 77].

Год условно делится на сезоны, которые не имели четких временных границ и могли варьироваться по длительности год от года. Тем не менее, сезоны являются хорошим показателем цикличности времени, и их вычленение из общего потока времени говорит о попытке упорядочить время в календарную систему.

– *тохы* весна; ~ *котал* весенний день, ~ *мотах валта* до весны дожить, *тохына* весной (вас.) [14, с. 282]; *тови* весна+ весенний (шур.) [12, с. 79] – **весна**;

– *ëр* лето; *ëнан* летом, *ëны от* летний (вас.) [14, с. 282]; *лун* лето/летний; (шур.) [12, с. 42]; *löy* (вах.), *jöy* (вас.); *löy* (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.), *tüy* (сал.) лето; [11, с. 216] – **лето**;

– *сëхäs* осень; *сëхäsна* осенью, *сëсхи котал* осенний день (вас.) [14, с. 250]; *сус* осень/осенний (шур.) [12, с. 74]; *süwäs* (вах., вас.); *süwäs* (аг., у.-аг.,

тр.-юг.), *süwäs* (юг., у.-юг.); *süwäs, süwäs* (сал.) осень; *tüləy süwäs* вторая («зимняя») половина осени (тр.-юг.), *löy süwäs* первая («летняя») половина осени (тр.-юг.); *süwäs länə* в осенний период времени (вах.); *tapal süwäs* прошлая, минувшая осень (вах.) [11, с. 444] – **осень**;

– *mäläx* зима, *mälki от* зимний, *mälкян* зимой, *mäläx сахы* по-зимнему (вас.) [14, с. 272]; *тал 1)* зима/зимний; 2) год; *тал сус* поздняя осень; *тал тови* ранняя весна (шур.) [12, с. 77]; *täləy* (вах., вас.) *tüləy* (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.); *tätə* (сал.) зима; *süwäs pirnə täləy pitwəl* после осени зима наступает (вах.); *täləy ikit* зимние месяцы (вах.); *tüləy latnə* в зимнюю пору (тр.-юг.); *tüləy mārə* в течение зимы (аг.) [11, с. 483] – **зима**.

Учитывая мифологизированность сознания и сакрализацию временного потока, можно установить определенную взаимосвязь между микро- (сутки) и макроциклом (год). «Цикл выступает как универсальный строительный инструмент мироздания. Любой цикл в природе выступает не изолированно, а включен в другой – более широкий. Мир в этой связи предстает как система взаимосвязанных циклов». Согласно теории Ю.Н. Соколова, цикл – структурная единица реальности [19, с. 95–96].

Так, например, в смене времен года иллюстрируется неединичность космологического цикла – природная пора (весна, лето, осень, зима) соответствует рождению, становлению, расцвету, увяданию и снова рождению. [1, с. 73] Лето живет, но умирает, превращаясь в осень. Осень живет, но умирает, превращаясь в зиму [20, с. 101].

Представление о частях дня переносится на год или на более длительные сакральные циклы. Утро, полдень, сумерки и ночь метафорически означают весенний, летний, осенний и зимний сезоны. Разумеется, день может делиться на большее число частей, и времен года может быть больше в тех или иных календарях, но тенденция такова: утро – рассвет, ночь – гибель растительного мира. Особенно ясно выражена эта тенденция в тех условиях, где «зиме» соответствует холод и сокращение светлой части дня ... [2, с. 614].

«Временной процесс воспринимался как регулярность повторяющихся изменений, последовательность переходов между полярными противоположностями: ночь и день, зима и лето, засуха и наводнение, зрелость и молодость, жизнь и смерть. В такой схеме прошлое не простиралось глубоко ...» [8, с. 10]

Таким образом, можно говорить о том, что деление суточного цикла на две части – день и ночь – является первичным (для годичного цикла лето–зима соответственно). Смена светлого и темного времени суток очевидна и легко наблюдаема. Пред-

положительно, понятие ночь является более древним, чем вечер, так как ночь – более яркая оппозиция светлomu времени суток. Более дробное деление суток появилось позднее, причем в разных языках это деление не обязательно было четырехчленным (утро, день, вечер, ночь), что свойственно индоевропейскому современному представлению о смене времени суток.

Для многих культур характерно деление суток на число, кратное двум, либо на числа, кратные трем или семи [21, с. 148, 158].

Первоначальное деление суточного цикла только на две части можно подтвердить архаическим сакральным делением годового цикла на две половины. У многих народов Сибири год делится на два периода: зимний и летний (холодный и теплый, например: у восточных хантов – *мелек* ‘тепло’, т.е. лето, и *этих* ‘зима’), счет велся один год за два (т.е. зимний год и летний год были самостоятельными единицами измерения времени). Например, у северных ханты и манси в погребально-поминальных обрядах действует именно такой древний счет времени – в сроках возрождения души, хранения изображений умерших, траура [6, с. 142]. Намного позднее в календарных системах стали выделять четыре сезона года, а также другие периоды (до семи), и лишь затем появились более дробные части – условные месяцы или микросезоны [4, с. 201–203]. Таким образом, можно отметить определенное соответствие в историческом развитии суточного и годового циклов.

Помимо четырехчленного деления суточного и годового цикла, время могло делиться на более дробные промежутки и обозначаться в соответ-

ствии с движением небесных светил (суточный цикл) или по фенологическим показателям (годовой цикл), например:

– *Калъ йяцы муртны йюлм*. В середине дня придду. [6, с. 17],

– *Иттэн куньл атты да’тны*. Вечерняя заря появится когда,

Ма моньч-арых архилдылм. Я сказки-песни напеваю. [6, с. 17],

– *Нйц щяха хув-ван двалдысыя, холэвт хйтл кутунн вантыя*, ... Долго ли, коротко ли, ты завтра к середине дня поджидай меня [21, с. 32–33],

– *карас кет* период бесснежья (вас.) [14, с. 99],

– *лислохан кёт* период слякоти (вас.) [14, с. 134],

– *энэл жэпк латнэ* во время большой воды (тр.-юг.) *тэлэу лят* зимнее время (вах.); *сйуэс лят* осеннее время (вах.) [11, с. 198].

Следовательно, можно сделать следующие выводы:

Исторически у хантов первичным было деление суточного и годового цикла на две части, где точками отсчета служили полярные, противопоставленные друг другу природные явления: ночь–день, зима–лето. Более дробное деление микро- и макроцикла возникло позднее, и в настоящее время календарный суточный и годовичный циклы у хантов состоят из четырех частей. При отсутствии точного способа измерения времени (понятия «час», «минута», «секунда» не являются исконно хантыйскими и заимствованы через русскую культуру и русский язык) выделяются более мелкие промежутки времени в течение суток и года, связанные с конкретными природными, фенологическими изменениями.

Литература

1. Яковлева Е.С. Языковое отражение циклической модели времени // *Вопр. языкознания* № 4. М., 1992.
2. Мифы народов мира, т. 2 // *Цикличность*. М., 1988.
3. Фролов Б.А. Происхождение календаря // *Календарь в культуре народов мира*. М., 1993.
4. Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П. Календари народов Сибири // *Календарь в культуре народов мира*. М., 1993.
5. Меновщиков Г.А. Выражение категорий пространства и времени в эскимосско-алеутских языках // *Вопр. языкознания*, № 2. М., 1986.
6. Соколова З.П. Ханты и манси // *Семейная обрядность народов Сибири*. М., 1980.
7. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1986.
8. Колесникова С.Ю. Календарная система в традиционной культуре селькупов // *Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. Томск, 2000.
9. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.
10. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 1, 2, 3. Томск, 1994.
11. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Ленинград, 1981.
12. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (на языке шурышкарских ханты). Л., 1985.
13. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
14. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996.
15. Немысова Е.А., Кононова С.П., Вожакова Е.Н. Русско-хантыйский разговорник. М., 1996.

16. Которова Е. Межъязыковая эквивалентность в лексической семантике. Сопоставительное исследование русского и немецкого языков. Франкфурт-на-Майне, 1998.
17. Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.
18. Калиткина Г.В. Континуум «неделя» в вершининском говоре // Проблемы документации исчезающих языков и культур (XXI Дульзонские чтения). Ч. 1. Уфа-Томск, 1999.
19. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
20. Шервуд Е.А. Календарь у древних кельтов и германцев // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
21. Слепенкова Р.К. Арём-моньцем ед ки мӓнд... (если моя песня-сказка дальше пойдет...). Ханты-Мансийск, 2003.

Л.А. Абукаева

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ КАК СООТВЕТСТВИЯ НОРМЕ В РУССКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Исследование оценочного значения, способов его оформления представляет особый интерес на современном этапе развития языкознания. Это обусловлено тем, что пристальное внимание лингвистов привлекает субъект речи, его эмоции, интенции, и в связи с этим одной из центральных проблем языкознания является проблема взаимодействия семантики и прагматики.

С категорией оценки непосредственно связана объективная (фактическая) составляющая сообщения и ее субъективная сторона, а именно оценка как намерение воздействовать на адресата речи. Выражая оценку, адресат реализует прагматическую цель – осознанно или неосознанно вызвать определенную реакцию адресата на содержание высказывания.

Категория оценки охватывает широкий диапазон языковых единиц. Оценка имплицитно или эксплицитно присутствует практически в любых видах текстов и является универсальной категорией. Н.Д. Арутюнова определяет оценку как «собственно человеческую категорию», которая «задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [1, с. 5].

Положительная или отрицательная оценка связана с ориентацией на норму, на такие оценочные стереотипы, как соответствие предмета требуемым параметрам, общепринятым представлениям, сложившемуся в данном социуме мнению. В данной работе под оценочностью понимается такое отношение говорящего к предмету речи, которое выражается в характеристике предмета, признака, действия как положительного, отрицательного или соответствующего норме, принятым представлениям.

Объектом исследования в этой работе являются синтаксические фразеологизмы марийского языка, передающие значение оценки как соответствия норме в их сопоставлении с соответствующими структурами русского языка, выявляются модели фразеологизированных предложений, определяется спектр субъективно-модальных значений, выражаемых такими конструкциями.

Для обозначения фразеологизированных синтаксических конструкций в лингвистике существует несколько терминов: застывшая конструкция [2], синтаксический идиоматизм [3], шаблонная фраза, синтаксический фразеологизм [2, 4, 5], фразеосхема [6, 7], застывший синтаксический оборот [8], связанная синтаксическая конструкция [9].

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, следует считать термин «синтаксический фразеологизм», идентичен которому термин «синтаксический идиоматизм». Термин «шаблонная фраза» ассоциируется с клише, стандартизованными фразами, которые являются принадлежностью официально-делового стиля. Термины «застывший синтаксический оборот», «застывшая конструкция» также не в полной мере отражают грамматическую природу рассматриваемых конструкций, так как «застывшей», фразеологизированной, является сама модель. Термином «фразеосхема или фразеологизированная схема» логично обозначить модели (структурные схемы, отвлеченные образцы), по которым строятся такие предложения, противопоставляя их предложениям нейтрального синтаксиса, построенным по свободным структурным схемам.

Синтаксические фразеологизмы могут быть отнесены с лексическими фразеологизмами, поскольку «подуровень синтаксической фразеологии представляет собой, с одной стороны, явление, производное от синтаксического яруса (т.е. в этом смысле явление более высокого порядка), с дру-